Изабелла Абезгауз: от сталинских репрессий до музыкального ренессанса

Имя Изабеллы Владимировны Абезгауз - талантливого ученого и педагога - неотъемлемо от азербайджанской музыкальной культуры 1960-1980-х годов. Для нескольких поколений исследователей азербайджанской музыки она была всегда незримо присутствующим наставником, их научное мышление формировалось под воздействием ее трудов.

Абезгауз начала работать на кафедре истории музыки Азербайджанской консерватории в 1954 году. Незадолго до этого в Москве, где она училась и работала, с "благословения" Сталина разразилось "дело врачей", и она вынуждена была срочно уехать из столицы, так как ближайшие родственники были репрессированы. Пришлось оставить друзей, коллег, чьи имена теперь составляют гордость России, перспективную научную деятельность, любимую Центральную школу-десятилетку для одаренных детей при Московской консерватории, где она тогда работала.

Время, когда Абезгауз появилась в Баку в консерватории, было подлинным ренессансом азербайджанского композиторского творчества. Между ним и научным практическим музыкознанием существовал в то время большой разрыв. Нужны были люди новаторского склада, ищущие, смело, критически осмысливающие глубинные процессы творчества. Именно такой и была Изабелла Абезгауз.

В ее небольшой квартире всегда можно было встретить музыкантов, литераторов, художников разных поколений. Притягательная сила авторитета Изабеллы Абезгауз объяснялась рядом присущих ей качеств - необычайно глубокой и разносторонней образованностью, феноменальным знанием и пониманием музыки, а главное - научной "зоркостью".

Любое проявление недобросовестности, конъюнктурщины ее буквально выводило из себя, расширяя круг недоброжелателей, которых, как известно, у людей талантливых всегда немало. Они не "замечали" ее статей, не включали ее в состав художественного совета, а последние 15 лет ее жизни - и в Государственную экзаменационную комиссию по музыковедению.

Выпускница класса И.Абезгауз, Ульвия Иманова вспоминала: "Мне посчастливилось быть выпускницей класса И.В.Абезгауз в 1966-1967 учебном году. Тогда дипломные работы писались на пятом курсе консерватории, то есть в течение одного учебного года нужно было решить ряд проблем - от выбора темы дипломной работы до ее написания объемом в 100-120 страниц. Изабелла Владимировна была отличным и весьма требовательным руководителем. Следует признать, что далеко не каждый студент отваживался пойти в ее класс. Понятно, что последнее слово оставалось за ней, но сам по себе этот шаг будущего дипломника бывал и продуманным, и ответственным. Общеизвестно, что характер у Изабеллы Владимировны был далеко не сахар, ее откровенно недолюбливали некоторые преподаватели-музыковеды, а она со свойственной ей категоричностью и максимализмом критиковала их в любой подходящей ситуации - на экзамене, научной конференции, заседании кафедры или ученого совета. Мы, студенты, весьма внимательно отслеживали происходящее в консерватории тех лет, и само по себе поступление в ее класс подчас расценивалось как некий вызовк. Изабелла Владимировна не допускала какого-либо диктата, навязывания определенных положений. Напротив, она жаждала настоящего диалога, в ходе которого можно было бы достичь истины. Она работала с редкой самоотдачей и требовала от своих дипломников такой же работоспособности. Рассчитывать на некую спокойную жизнь в классе И.В. Абезгауз не приходилось, ибо на каждом уроке возникали новые вопросы, которые надо было незамедлительно решать".

Спору нет, от присутствия Абезгауз на экзаменах студентам, да и некоторым педагогам легче не бывало, у членов комиссии почему-то исчезала склонность к снисходительности, оценки, увы, снижались, но зато выставленная ею "пятерка" котировалась очень высоко. Незабываемы были ее выступления на конференциях, обсуждениях, заседаниях кафедры. Лекции ее были высокопрофессиональны. Она могла находить глубокие связи и с другими видами искусств, историческими событиями, явлениями природы, материальной культуры (например, проводила параллели между Мусоргским и Суриковым, отмечая своего рода полифоничность полотен художника). К тому же прекрасно читала с листа, а на досуге в четыре руки с Сюзанной Федоровной Штейн - одаренным музыкантом и педагогом - проигрывала знакомую и незнакомую музыку.

Главной "магистралью" ее научных интересов была современная азербайджанская музыка, хотя и были случаи обращения к русской музыке. Какой она была в жизни - честной, бескомпромиссной, прямой, - такой была и в творчестве.

Ее работы первых лет в основном носили информативный, популяризаторский характер. Но уже в таких статьях, как "Талант гражданственности, мастерство" (к 50-летию Кара Караева), "Развитие традиций" (о Дж.Гаджиеве), "Становление художника" (о Х.Мирзазаде), Абезгауз в жанре "портрета" выявляла глубинные процессы развития национальной культуры в аспекте мировоззренческих проблем языка, стиля.

Пытливая исследовательская интуиция вывела ее и к главной теме ее научных изысканий - книге "Опера Кероглу Уз.Гаджибекова". Но в издательстве "Советский композитор" сократили рукопись с 20 печатных листов до семи, в результате чего отпали многие замечательные страницы, отличающиеся "ювелирным" анализом.

Обычно в исследованиях подобного типа рассматривали творчество композиторов в аспекте синтеза национального и европейского, более всего выявляя наличие традиций общеевропейского искусства как положительного качества стиля композитора. Работа Изабеллы Абезгауз же целеустремленно и последовательно анализировала национальный характер творчества Уз.Гаджибекова путем установления не только прямых жанровых и музыкально-тематических связей с фольклором, но и родства самих принципов творчества с национальным искусством.

В результате многие обобщения в книге имели большое значение для понимания "восточных" культур и путей их взаимодействия с культурой общеевропейской. Этому способствовало, в частности, последовательно проводимое сравнение национально-характерных примеров в сочинениях Уз.Гаджибекова с аналогичными приемами в "ориентальных произведениях русских композиторов. Исследователь, видя в "Кероглу" основу национального стиля, прослеживал традиции У.Гаджибекова в творчестве других азербайджанских композиторов.

Особое место уделяет И.Абезгауз в своем исследовании Увертюре к опере "Кероглу". Совершенно справедливо отмечая огромный эмоциональный радиус воздействия Увертюры, И.Абезгауз подчеркивает: "Кто хоть раз слышал Увертюру к "Кероглу", не мог не ощутить особой значительности ее начальных тактов. И по силе обобщения, и даже просто по своей яркости первая тема вступления приподнята над всей экспозицией и даже над увертюрой в целом".

Пафос исследования И.Абезгауз, состоит в том, что она акцентирует свое внимание не на том, что взял Гаджибеков от азербайджанского фольклора и европейской музыки, а ставит своей целью выявить, "что дал Гаджибеков искусству европейской традиции, чем обогатил ее". Поистине достойный пример "не провинциального", а глобального рассмотрения явления национального искусства в контексте мировой культуры.

Значительное исследование Абезгауз стало отправным и для других ее работ, например, "Русский Восток" с позиций азербайджанской культуры".

Смыслом жизни Изабеллы Абезгауз было творчество, им была пронизана и ее педагогическая работа. Она не любила славословия и не терпела его в отношении своих работ. Давая их на кафедральное обсуждение, требовала делового критического подхода. Но признание учеников и официальное признание - вещи разные. Подтверждением тому - судьба Изабеллы Абезгауз, воспитавшей столько учеников, известной своими трудами в стране, но не имевшей наград, званий. Впрочем, сама она к этому относилась со свойственной ей мудростью - она знала смысл подобных ценностей в жизни.

Как-то Кара Караев в беседе с корреспондентом на вопрос какие качества начинающего художника он ценит больше всего - ответил: "Такие же, как в зрелом художнике, - талант, творческую убежденность и человеческую скромность". Эти слова в полной мере можно отнести к Изабелле Абезгауз. Она была учителем для многих. А дорога ее жизни и творчества неукоснительно вела к Храму музыки, которой она преданно и бескорыстно служила.